

Данило Бессчастный

313[1]

Во городе Киеве у нашего князя Владимира много слуг и крестьян, да был при нём Данило Бессчастный дворянин: придёт день воскресный — Владимир-князь всем по рюмке горького подаст, а ему в горб да в горб; придёт большой праздник — кому награда, а ему всё ничего! Накануне было светлого воскресения, во страстную субботу, зовёт Владимир-князь Данилу Бессчастного, отдаёт ему на руки сорок сороков соболей, велит к празднику шубу сшить: соболю не делан, пуговицы не литы, петли не виты; в пуговицах наказано лесных зверей заливать, в петлях заморских птиц зашивать.

Опостылела Даниле Бессчастному работа, бросил — пошёл за ворота, пошёл ни путём ни дорогою и слёзно плачет. Идёт ему навстречу старая старуха:

— Мотри, Данило, не распороть бы те брюха! О чём ты, Бессчастный, плачешь?

— Ах ты, старая пузырьница, — пузырём ж... заплачена, лихорадкой подхвачена! Поди прочь, мне не до тебя!

Отошёл немного и думает: «Зачем я её разбранил!» Стал к ней подходить и такие речи говорить:

— Бабушка-голубушка! Прости меня; вот моё горе: дал мне Владимир-князь сорок сороков неделаных соболей, чтоб завтра шуба поспела; были бы часты пуговицы литые, шёлковые петли витые; в пуговицах были бы львы золотые, а в петлях были бы птицы заморские завиты — пели бы, распевали! А где мне того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!

Говорит ему старуха заплатано брюхо:

— А, теперь бабушка-голубушка! Поди же ты к синему морю, стань у сырого дуба; в самую полночь сине море всколыхается, выйдет к тебе Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног, с седой бородою; ухвати его за бороду и бей по тех пор, пока Чудо-Юдо спросит: за что ты, Данило Бессчастный, бьёшь меня? А ты отвечай: хочу, чтоб явилась передо мной Лебедь-птица, красная девица, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы кости казались, сквозь костей бы в примету было, как из косточки в косточку мозг переливается, словно жемчуг пересыпается.

Пришёл Данило Бессчастный к синю морю, стал у сыра дуба. В самую полночь сине море всколыхалось, вышло к нему Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног — одна борода седая! Ухватил его Данило за ту бороду и принялся бить о сырую землю. Спрашивает Чудо-Юдо:

— За что ты бьёшь меня, Данило Бессчастный?

— А вот за что: дай мне Лебедь-птицу, красную девицу, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы — косточки, а из косточки в косточку мозг бы переливался, словно жемчуг пересыпался.

Через малое время плывёт Лебедь-птица, красная девица; приплывает к берегу и говорит таково слово:

— Что, Данило Бессчастный, от дела лытаешь или дела пытаешь?

— Ах, Лебедь-птица, красная девица! Где от дела лытаю, а где вдвое пытаю. Вот Владимир-князь дал мне шубу сшить: соболев не делан, пуговицы не литы, петли не виты!

— Возьмёшь ли меня за себя? В те поры всё будет сделано!

Начал он думу думать: как возьму её за себя?

— Ну, Данило, что думаешь?

— Нечего делать, возьму за себя.

Она крылышками махнула, головкой кивнула — вышли двенадцать молодцев, все плотники, пильщики, каменщики, и принялись за работу: сейчас и дом готов! Берет её Данило за правую руку, целует во уста сахарные и ведёт в палаты княжеские; сели они за стол, пили-ели, прохлаждались, за одним столом обручались.

— Теперь, Данило, ложись-почивай, ни о чём не помышляй! Всё будет готово.

Уложила его спать, сама вышла на хрустальный крылец, крылышками махнула, головкой тряхнула:

— Родимый мой батюшка! Подавай мне своих мастеров.

Явились двенадцать молодцев и спрашивают:

— Лебедь-птица, красная девица! Что прикажешь делать?

— Сейчас шейте мне шубу: соболев не деланы, пуговицы не литы, петли не виты.

Принялись за работу; кто соболю делает да шубу шьёт, кто куёт — пуговицы льёт, а кто петли вьёт, и вмиг шуба на диво сработана. Лебедь-птица, красная девица, подходит и будит Данилу Бессчастливого:

— Вставай, милый друг! Шуба готова, а в городе Киеве у князя Владимира слышен благовест; время тебе подняться, к заутрене убраться.

Данило встал, надел шубу и пошёл. Она глянула в окошечко, остановила, дала ему серебряную трость и наказывает:

— Как выйдешь от заутрени — ударь ею в грудь; весело птицы запоют, грозно львы заревут. Ты смай шубу с своих плеч да уряди[2] князя Владимира в тот час, не забывал бы он нас. Станет он тебя в гости звать, станет чару вина подавать — не пей чару до дна, а выпьешь до дна — не увидишь добра! Да не хвались ты мною; не хвались, что за единую ночь дом построили с тобою.

Данило взял трость и отправился; она опять его воротила, подаёт ему три яичка: два серебряные, одно золотое, и говорит:

— Серебряными похристосуйся со князем, со княгинею, а золотым — с кем тебе век прожить.

Распростился с нею Данило Бессчастный и пошёл к заутрене. Все люди удивляются:

— Вот Данило Бессчастный каков! И шуба поспела у него к празднику.

После заутрени подходит он ко князю со княгинею, начал христосоваться и вынул нечаянно золотое яйцо. Увидел это Алёша Попович, бабий пересмешник. Стали расходиться из церкви, Данило Бессчастный ударил себя в грудь серебряной тростью — птицы запели, львы заревели, все удивляются, на Данилу глядят; а Алёша Попович, бабий пересмешник, перерядился нищим-каликою и просит святой милостыньки. Все ему подают, только один Данило Бессчастный стоит да думает: «Что я-то подам? Нет ничего!» Ради праздника великого подал ему золотое яичко. Алёша Попович, бабий пересмешник, взял то золотое яйцо и переоделся во своё платье прежнее. Владимир-князь позвал всех к себе на закуску. Вот они пили-ели, прохлаждались, собой величались. Данило пьян напивается, спьяну женой похваляется. Алёша Попович, бабий пересмешник, стал на пиру хвастаться, что он знает Данилину жену; а Данило говорит:

— Коли ты знаешь мою жену — мне рубить голову, а коли не знаешь — тебе рубить голову!

Пошёл Алеша — куда глаза глядят; идёт да плачет. Попадается ему навстречу старая старуха:

— О чём ты плачешь, Алеша Попович?

— Отойди, старуха-пузырница! Мне не до тебя.

— Ладно же, пригожусь и я тебе!

Вот он начал её спрашивать:

— Бабушка родимая! Что ты мне сказать хотела?

— А, теперь бабушка родимая!

— Да вот я похвастался, что знаю жену Данилину...

— И-и, батюшка! Где тебе её знать? Туда мелкая пташка не залетывала. Поди ты к такому-то дому, зови её к князю обедать; она станет умываться, собираться, положит на окно цепочку; ту цепочку ты унеси, и покажь её Даниле Бессчастному.

Вот подходит Алёша к косящату окну, зовёт Лебедь-птицу, красную девицу, на обед к князю; она стала было умываться, наряжаться, на пир собираться: в то самое время унёс Алёша цепочку, побежал во дворец и казал её Даниле Бессчастному.

— Ну, Владимир-князь, — говорит Данило Бесчастный, — вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мне домой сходить да с женой проститься.

Вот приходит домой:

— Ах, Лебедь-птица, красная девица! Что я наделал: спяну тобой похвалился, своей жизни лишился!

— Всё знаю, Данило Бесчастный! Поди зови к себе в гости и князя с княгиней и всех горожан. А станет князь отзывать на пыль да на грязь, ныне-де пути недобрые, сине море всколыхалось, топи зыбкие открылись, — ты скажи ему: не бойся, Владимир-князь! Через топи, через реки строены мосты калиновые, переводины[3] дубовые, устланы мосты сукнами багровыми, а убиты всё гвоздями полужёнными: у добра молодца сапог не запылится, у его коня копыто не замарается!

Пошёл Данило Бесчастный гостей звать, а Лебедь-птица, красная девица, выступила на крылечко, крылышками трянула, головкой кивнула — и сделала мост от своего дома до палат князя Владимира: весь устлан сукнами

багровыми, а убит гвоздями полужёнными; по одну сторону цветы цветут, соловьи поют, по другую сторону яблоки спеют, фрукты зреют.

Срядился князь со княгинею в гости и поехал в путь-дорогу со всем храбрым воинством. К первой реке подъехал — славное пиво бежит; около того пива много солдат попадало. К другой реке подъехал — славный мёд бежит; больше половины войска храброго тому мёду поклонилось, на бок повалилось. К третьей реке подъехал — славное вино бежит; тут офицеры кидались, допьяна напивались. К четвёртой реке подъехал — бежит крепкая водка, тому же вину тетка; оглянулся князь назад, все генералы на боку лежат. Остался князь сам-четвёрт: князь со княгинею, Алёша Попович, бабий пересмешник, да Данило Бессчастный. Приехали гости званые, вошли в палаты высокие, а в палатах столы стоят кленовые, скатерти шёлковые, стулья раскрашенные; сели за стол — много было разных кушаньев, а напитков заморских не бутыли, не штофы — реки целые протекли! Князь Владимир со княгинею не пьют ничего, не кушают, только смотрят: когда ж выйдет Лебедь-птица, красная девица?

Долго за столом сидели, долго её поджидали: время и домой собираться. Данило Бессчастный звал её раз, и другой, и третий — нет, не пошла к гостям. Говорит Алёша Попович, бабий пересмешник:

— Если б это сделала моя жена, я б её научил мужа слушать!

Услыхала то Лебедь-птица, красная девица, вышла на крылечко, молвила словечко:

— Вот-де как мужей учат!, — крылышком махнула, головкой кивнула, взвилась-полетела, и остались гости в болоте на кочках: по одну сторону море, по другую — горе, по третью — мох, по четвёртую — ох! Отложи, князь, спесь, изволь на Данилу верхом сесть. Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались! Захотелось мне тогда князя со княгиней повидать, да стали со двора пихать; я в подворотню шмыг — всю спину сшиб!